

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ГУЩИН И ГАСКАРОВ против РОССИИ»

(Жалобы №№ 22581/15 и 28251/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

25 февраля 2020 года

*Настоящее постановление вступило в силу, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Гущин и Гаскарова против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Георгиос А. Сергидес, *Председатель*,
Эрик Веннерстрём,
Лоррен Шембри Орланд, *судьи*, и
Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

принимая во внимание:

жалобы (№№ 22581/15 и 28251/15), поданные в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя гражданами России, Ильей Владимировичем Гушиным и Алексеем Владимировичем Гаскаровым (далее — «заявители») 15 апреля 2015 года и 27 мая 2015 года соответственно;

решение об уведомлении Властей Российской Федерации (далее — «Власти») о данных жалобах;

решение о рассмотрении этих жалобу в приоритетном порядке (правило 41 Регламента Суда);

замечания сторон;

проведя заседание за закрытыми дверями 29 января 2020 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ВВЕДЕНИЕ

Дело касается осуждения заявителей в уголовном порядке за участие в массовых беспорядках и нападение на сотрудников полиции во время разгона публичного собрания на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года.

ФАКТЫ

1. Первый заявитель (Гущин), 1988 года рождения, проживает в г. Химки Московской области. Второй заявитель (Гаскаров), 1985 года рождения, проживает в г. Жуковском Московской области. Интересы заявителей в Суде представляли Рачковский, адвокат, практикующий в г. Москве, и Н. Добрева, адвокат, практикующий в г. Софии.

2. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Обстоятельства дела в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

А. Демонстрация 6 мая 2012 года

4. Факты, касающиеся планирования, проведения и разгона демонстрации на Болотной площади, более подробно изложены в постановлении Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12), пункты 7-65, и в постановлении Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) (жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 7-33). Доводы сторон относительно обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к настоящему делу, изложены ниже.

5. 6 мая 2012 года в центре Москвы прошла демонстрация под названием «Марш миллионов» в знак протеста против предположительно сфальсифицированных результатов президентских выборов. Мероприятие было согласовано городскими властями в форме шествия и последующего митинга на Болотной площади, который должен был завершиться в 19:30. Шествие было мирным и проходило без каких-либо нарушений, но, когда участники шествия дошли до Болотной площади, выяснилось, что установленные полицией заграждения сузили проход на место проведения митинга и предположительно сократили пространство, выделенное для его проведения. Для контролирования толпы полицейский кордон удерживал протестующих в периметре заграждений, и между полицией и протестующими имели место многочисленные столкновения. В 17:30 полиция приказала организаторам завершить митинг досрочно и начала разгонять участников. Для того чтобы очистить площадь от протестующих, потребовалось около двух часов.

6. В тот же день отделение Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве возбудило уголовное дело для расследования предполагаемых массовых беспорядков и насильственных действий в отношении полиции (часть 2 статьи 212 и часть 1 статьи 318 Уголовного Кодекса). 18 мая 2012 года материалы дела были направлены в главный штаб Следственного комитета для дальнейшего расследования. 28 мая 2012 года было также начато расследование преступления в виде организации массовых беспорядков (часть 1 статьи 212 Уголовного кодекса). В тот же день два уголовных производства были объединены в одно производство.

7. 16 декабря 2013 г. Следственный комитет выделил в отдельное производство дело в отношении первого и второго заявителей и двух их обвиняемых из основного уголовного дела, возбужденного по факту массовых беспорядков на Болотной площади.

Б. Жалоба Гущина (№ 22581/15)

1. Задержание первого заявителя и привлечение к

административной ответственности

8. Во время рассматриваемых событий первый заявитель был студентом и работал неполный рабочий день. 6 мая 2012 года он принял участие в демонстрации на Болотной площади. По его словам, он не принимал участия в беспорядках или столкновениях с полицией. Он был задержан на месте проведения демонстрации и доставлен в Ивановское РОВД г. Москвы.

9. В отделении полиции дежурный сотрудник составил протокол об административном правонарушении, в котором указывалось, что заявитель не подчинился законному распоряжению полиции, что является правонарушением, предусмотренным частью 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. В частности, в протоколе было указано, что заявитель нарушил полицейский кордон и бросал камни и стеклянные бутылки. Когда ему приказали прекратить свои действия, он отказался это сделать.

10. 8 мая 2012 года первый заявитель предстал перед мировым судьей судебного участка № 100 района Якиманка г. Москвы. Он отрицал, что он нарушил полицейский кордон и бросал в полицейских бутылки и камни. Опираясь на отчет сотрудника полиции, суд признал заявителя виновным и приговорил его к пятнадцати суткам административного ареста.

11. После освобождения заявитель продолжал проживать по своему обычному адресу и заниматься своей обычной деятельностью.

12. 6 февраля 2013 года в квартире заявителя был произведен обыск, был изъят его загранпаспорт, а он сам был арестован по подозрению в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полиции во время демонстрации 6 мая 2012 года. Ему было предъявлено обвинение по части 2 статьи 212 (участие в массовых беспорядках) и части 1 статьи 318 (применение насилия в отношении представителя власти) Уголовного кодекса. В частности, он обвинялся в том, что он схватил полицейского за форму и толкнул его на землю.

13. 7 февраля 2013 года первый заявитель был помещен под стражу, где он находился в течение одного года и шести месяцев. Его заключение было рассмотрено Судом в рамках отдельного дела и было признано неоправданным (см. постановление Суда от 17 сентября 2015 года по делу «Ковязин и другие против России», жалоба № 13008/13 и 2 другие жалобы, пункты 79-94).

14. 20 ноября 2013 года первому заявителю были предъявлены окончательные обвинения по части 2 статьи 212 и части 1 статьи 318 Уголовного кодекса.

2. Судебное разбирательство

15. 14 апреля 2014 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы начал разбирательство по уголовному делу в отношении четырех

участников демонстрации на Болотной площади, включая обоих заявителей, которые обвинялись в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейских.

16. 25 июля 2014 года в ходе судебного заседания первый заявитель подал ходатайство о прекращении производства по делу в части обвинений по части 2 статьи 212 Уголовного кодекса на том основании, что действия, в которых он обвинялся, уже были рассмотрены в рамках разбирательства по делу об административном правонарушении, за которое он уже был осужден 8 мая 2012 года. Суд не нашел оснований для удовлетворения его ходатайства.

17. В неустановленный день полицейский А., который являлся предполагаемым потерпевшим от нападения первого заявителя, был допрошен в качестве свидетеля. Он заявил, что, когда он производил задержание одного из активных участников, кто-то потянул его за шлем и бронежилет, перекрыв ему доступ к воздуху. Он упал на землю; когда он попытался встать, кто-то снова толкнул его и он опять упал. Когда ему удалось встать, он увидел молодого человека, которого он позже опознал как заявителя. Затем этот человек скрылся в толпе. По словам А., действия первого заявителя причинили ему боль, но он не стал обращаться за медицинской помощью. Еще один сотрудник полиции Д., также допрошенный в качестве свидетеля, заявил, что он видел, как заявитель держал А. за бронежилет и пытался толкнуть его на землю.

18. 18 августа 2014 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы признал заявителя виновным по всем пунктам обвинения. В частности, суд постановил следующее:

«6 мая 2012 года, не позднее 17:00 [заявитель]... прибыл на Болотную площадь в г. Москве, чтобы принять участие в демонстрации...

В период между 17:00 и 22:00 [заявитель] принимал участие в массовых беспорядках... Действуя намеренно, ... он применил насилие в отношении ... сотрудника полиции [А.], которое не представляло угрозы для жизни или здоровья этого сотрудника.

[Первый заявитель]... действуя намеренно с целью применения насилия, пытался помешать сотрудникам полиции произвести задержание агрессивно ведущих себя участников... Стоя позади [А.]... он схватил его за бронежилет правой рукой и за шлем левой рукой и, действуя совместно с неустановленным лицом, потянул [А.] и толкнул его... на землю.

Эти действия [заявителя] причинили [А.] боль. ...

[Первый заявитель] не признал своей вины в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса, но частично признал вину в [применении насилия в отношении представителя власти].

[Первый заявитель] показал, что когда сотрудники полиции начали применять силу, специальные средства и дубинки против [участников демонстрации], он услышал крик о помощи и увидел лежащего на земле человека. Сотрудник полиции, которым, как выяснилось позже, был [А.], склонился над этим человеком, избивая его дубинкой. [Первый заявитель] схватил [А.] за форму и потянул ее вверх. Он никого не бил и не толкал. [А.] не падал на землю в результате действий [заявителя]. Однако [первый заявитель] знал, что, схватив

сотрудника полиции ([А.]) за форму, он совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 318 Уголовного кодекса. [Первый заявитель] не отрицал, что впоследствии он стоял в одной шеренге вместе с [другими лицами], препятствуя полиции в задержании демонстрантов.

[Первый заявитель] также сообщил, что [6 мая 2012 года] он был задержан, доставлен в отделение полиции и осужден мировым судьей по части 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. ...

... суд не установил каких-либо фактов, свидетельствующих о противоправном поведении полиции, вопреки утверждениям подсудимых и их адвокатов. Более того, суд считает, что сотрудники полиции действовали законно во время демонстрации 6 мая 2012 года...

Доводы [первого заявителя] о том, что уголовное судопроизводство и его преследование должны быть прекращены на том основании, что он уже был привлечен к административной ответственности за то же деяние... не могут считаться обоснованными, поскольку 8 мая 2012 года [он] был осужден за неподчинение законным распоряжениям полиции... и его действия представляют собой административное правонарушение, предусмотренное статьей 19.3 Кодекса об административных правонарушениях ... Однако [его] участие в массовых беспорядках и применение им насилия... в отношении представителя власти... не подпадают под определение правонарушения, предусмотренного статьей 19.3 Кодекса об административных правонарушениях, поскольку административное правонарушение и преступления имели разные объекты и были совершены в разное время, хотя и в последовательном порядке».

19. Районный суд ссылаясь, в частности, на видеозапись, на которой показано, как заявитель схватил А. за бронежилет и шлем и толкнул его. Он также ссылаясь на протоколы опознания, согласно которым А. и Д. опознали заявителя как человека, который применил насилие в отношении А.

20. Заявитель был приговорен к двум годам и шести месяцам лишения свободы по совокупности преступлений. Этот срок был рассчитан на основании наказания, предусмотренного частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса, в виде двух лет лишения свободы, и наказания, предусмотренного частью 1 статьи 318 Уголовного кодекса, в виде одного года лишения свободы. Содержание заявителя под стражей в ходе предварительного следствия было зачтено в срок тюремного заключения.

21. 27 ноября 2014 года Московский городской суд оставил приговор суда первой инстанции без изменений. Среди прочих аргументов он отклонил утверждение заявителя о том, что он дважды привлекался к ответственности за одно и то же преступление.

22. 8 августа 2015 года заявитель был освобожден после отбытия срока лишения свободы.

В. Жалоба Гаскарова (№ 28251/15)

1. Задержание второго заявителя и содержание под стражей в ходе предварительного следствия

23. На момент задержания второй заявитель работал финансовым консультантом. Он был членом политического движения Координационный совет оппозиции. 6 мая 2012 года он и его партнер приняли участие в демонстрации на Болотной площади. Когда полиция разгоняла протестующих, он вмешался, чтобы помешать действиям, которые, по его мнению, представляли собой произвольное задержание другого протестующего. Полиция применила к нему силу. По словам второго заявителя, он был жестоко избит, и в машине скорой помощи, присутствовавшей на месте происшествия, ему была оказана медицинская помощь.

24. 2 июля 2012 года второй заявитель подал в Следственный комитет жалобу на жестокое обращение со стороны сотрудников полиции. К жалобе он приложил медицинскую справку, подтверждающую телесные повреждения, причиненные ему 6 мая 2012 года.

25. 28 апреля 2013 года второй заявитель был задержан по подозрению в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении сотрудников полиции во время демонстрации 6 мая 2012 года — преступления, предусмотренные частью 2 статьи 212 и частью 1 статьи 318 Уголовного кодекса соответственно. В частности, ему были предъявлены обвинения в том, что он оттащил сотрудника полиции И. за ногу от другого протестующего и толкнул И. на землю. Неизвестные протестующие предположительно ударили И. по голове. В тот же день второй заявитель был помещен в предварительное заключение под стражу.

26. 26 августа 2013 г. сотрудник полиции Б. опознал второго заявителя как протестующего, который вытащил его левой рукой из цепи сотрудников полиции во время столкновений на Болотной площади.

27. 20 ноября 2013 года следователи допросили второго заявителя. Он признался в том, что потянул сотрудника И. за ногу, чтобы помешать ему задержать другого протестующего.

28. 13 декабря 2013 года следователи передали жалобу второго заявителя на жестокое обращение «в компетентный орган». Заявитель не знал о дальнейшей судьбе его жалобы.

29. 6 декабря 2013 года следователи допросили Л.А., которая участвовала в демонстрации на Болотной площади. Она была свидетелем того, как сотрудник полиции ударил второго заявителя по лицу; затем она оказала ему первую помощь на месте.

2. Условия в зале суда

30. 14 апреля 2014 года в Замоскворецком районном суде Москвы началось слушание по уголовному делу в отношении заявителей и еще двух подсудимых. Слушания проходили в залах суда №№ 403 и 410, которые были оборудованы металлическими клетками, в которых

подсудимые содержались во время слушаний. Одно слушание в суде первой инстанции состоялось в зале заседаний № 338 Московского городского суда, который был оборудован стеклянной кабинкой (описание условий содержания под стражей в этом зале суда см. в упоминаемом выше постановлении по делу «Ярослав Белоусов против России», пункты 74-75).

3. Судебное разбирательство

31. В своем приговоре от 18 августа 2014 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы признал второго заявителя виновным по всем пунктам обвинения. В частности, он отметил следующее:

«6 мая 2012 года, не позднее 17:00 [второй заявитель] ... прибыл на Болотную площадь в г. Москве, чтобы принять участие в демонстрации ...

В период между 17:00 и 20:00 ... [второй заявитель] ... принимал участие в массовых беспорядках ... Действуя намеренно, ... он применил насилие в отношении ... сотрудника полиции [И.], которое не представляло угрозы для жизни или здоровья этого сотрудника. В частности, [заявитель] ... пытался помешать сотрудникам полиции, включая [И.], задержать другого протестующего ... он схватил [И.] за ногу и ... применяя насилие, вместе с ... неустановленным лицом оттащил [И.] от протестующего и повалил его на землю. Затем неустановленные лица нанесли [И.] не менее двух ударов по голове.

В результате действий [заявителя] и других лиц протестующий смог скрыться от полиции.

... [Второй заявитель], действуя намеренно ... также применил насилие в отношении сотрудника полиции [Б.] ... В частности ... [заявитель], который стоял позади [Б.], потянул его за левую руку и ... применив насилие, выдернул [Б.] из цепи сотрудников полиции, тем самым разбив цепь и создав проход для тех, кто участвовал в массовых беспорядках.

... Действия [второго заявителя] причинили [Б.] физическую боль. ...

[Второй заявитель] отрицал свою вину... Он заявил, что, когда начались столкновения, он находился перед оцеплением, ... он потянул одного из сотрудников полиции, которым, как выяснилось позже, был [Б.], за руку. Он не наносил [Б.] ударов... Позже [заявитель] увидел группу полицейских, пытающихся задержать молодого человека... [Они] повалили его на землю, схватили за ноги и, как думал заявитель, начали избивать его дубинками. ... [Второй заявитель] подошел к сотруднику полиции, которым, как выяснилось позже, был [И.], и оттащил его на один метр, не применяя насилия. ... Молодой человек встал и побежал в направлении толпы; [И.] последовал за ним. [Заявитель] видел, как несколько протестующих подошли к [И.] и нанесли ему... не менее двух ударов.

... [Второй заявитель] дополнительно указал, что во время демонстрации 6 мая 2012 года он был избит сотрудниками полиции без какой-либо причины... он подал в правоохранительные органы заявление, но они отказали в возбуждении уголовного дела [по его заявлению о жестоком обращении]. ...

... суд не установил каких-либо фактов, свидетельствующих о противоправном поведении полиции, вопреки утверждениям подсудимых и их адвокатов. Более того, суд считает, что сотрудники полиции действовали законно во время демонстрации 6 мая 2012 года...»

32. Второй заявитель был приговорен к трем годам и шести месяцам

лишения свободы по совокупности преступлений. Этот срок был рассчитан на основании наказания, предусмотренного частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса, в виде трех лет лишения свободы, и наказания, предусмотренного частью 1 статьи 318 Уголовного кодекса, в виде одного года и шести месяцев лишения свободы. Срок предварительного содержания второго заявителя под стражей был зачтен в срок тюремного заключения.

33. 27 ноября 2014 года Московский городской суд оставил приговор суда первой инстанции без изменений.

34. 27 октября 2016 года заявитель был освобожден после отбытия срока лишения свободы.

СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА

35. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает:

Статья 212. Массовые беспорядки

«1. Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет.

2. Участие в массовых беспорядках, предусмотренных частью первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

3. Призывы к массовым беспорядкам, предусмотренным частью первой настоящей статьи, или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет...»

36. Соответствующие положения КоАП РФ от 30 декабря 2001 года, действовавшие в то время, гласили:

Статья 19.3 Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции...

«Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции... в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей, влечет наложение штрафа в размере от 500 до 1000 рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток...»

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

37. Принимая во внимание схожий характер существа жалоб, Европейский Суд считает целесообразным рассмотреть их в рамках одного производства.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

38. Второй заявитель (Гаскаров) жаловался на то, что его содержание в стеклянных кабинах и металлических клетках во время судебных слушаний в судах первой и апелляционной инстанций представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

39. Власти утверждали, что жалобы второго заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции были поданы с нарушением срока. В частности, они указали, что шестимесячный срок должен исчисляться с даты прекращения предполагаемого жестокого обращения, а не с момента окончания уголовного судопроизводства, поскольку суд апелляционной инстанции не мог предоставить средство правовой защиты в отношении способа организации заседаний во время судебного разбирательства в первой инстанции. Власти утверждали, что слушания проходили в залах заседаний №№ 403 и 410 Замоскворецкого районного суда, а одно слушание было проведено в зале № 338 Московского городского суда в связи с необходимостью обеспечения безопасности анонимных свидетелей. Ссылаясь на выводы Суда в постановлении по делу «Ярослав Белоусов против России» (упоминаемое выше, пункт 114), они утверждали, что течение шестимесячного срока началось 14 апреля 2014 года и закончилось 18 августа 2014 года, когда заявитель был осужден судом первой инстанции.

40. Второй заявитель не согласился с доводами властей Российской Федерации и указал, что его жалобы также касались слушания дела в порядке апелляции в Московском городском суде 27 ноября 2014 года. Это слушание проводилось в зале № 334 здания суда, где он содержался в стеклянной кабине. Он утверждал, что предполагаемое жестокое обращение имело место в течение всего разбирательства по уголовному делу в его отношении, в том числе во время слушания дела в порядке апелляции. Следовательно, подав свою жалобу 27 мая 2015 года, он выполнил правило шестимесячного срока. Он также утверждал, что в

стеклянных кабинах было мало места и недостаточная вентиляция, и что в этих условиях его общение с адвокатами было затруднено.

Б. Приемлемость жалобы

41. Суд повторяет, что содержание второго заявителя в стеклянных кабинах и металлических клетках имело место в течение двух различных периодов и условия содержания под стражей существенным образом отличались, что не может рассматриваться в качестве длящейся ситуации для целей расчета шестимесячного срока, определенного в пункте 1 статьи 35 Конвенции (там же). Кроме того, ранее Суд уже признавал то, что заявителям не было доступно средство правовой защиты в отношении условий в залах суда, и что шестимесячный срок следует рассчитывать с даты прекращения предполагаемого жестокого обращения (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против России» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08, пункт 87, ЕСПЧ 2014 (извлечения)).

42. Что касается предполагаемого жестокого обращения вследствие помещения в металлические клетки, то Суд отмечает, что оно имело место во время слушания в суде первой инстанции, которое закончилось 18 августа 2014 года. Второй заявитель подал свою жалобу лишь 27 мая 2015 года. Следовательно, Суд считает, что заявитель нарушил срок для подачи жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с его помещением в металлические клетки. Таким образом, данная жалоба должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции (см. постановление Суда от 15 мая 2018 года по делу «Луцкевич против России» (*Lutskevich v. Russia*), жалобы №№ 6312/13 и 60902/14, пункты 67-68).

43. Суд также отмечает, что предполагаемое жестокое обращение вследствие содержания второго заявителя в стеклянных кабинах имело место два раза, а именно в неустановленный день во время судебного разбирательства в суде первой инстанции и во время слушания дела по апелляции 27 ноября 2014 года. Учитывая, что эти слушания проходили в разных залах судебных заседаний и, следовательно, в разных условиях содержания под стражей, его содержание в стеклянных кабинах нельзя рассматривать как длящуюся ситуацию. Поскольку жалоба на помещение в стеклянную кабину в зале 338 Московского городского суда была подана более чем через шесть месяцев после окончания судебного разбирательства в суде первой инстанции, она также должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

44. И напротив, Суд считает, что второй заявитель выполнил требование шестимесячного срока в отношении жалобы на содержание в стеклянной кабине в ходе слушания дела по апелляции в зале № 334 Московского городского суда. Суд отмечает, что данная жалоба не

является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

45. Суд описал принципы, касающиеся содержания в стеклянных кабинах, в постановлении по делу «Ярослав Белоусов против России» (упоминаемое выше, пункты 120-22). Он отмечает, что второй заявитель не указал размеры стеклянной кабины в зале № 334 и пространство, предоставленное каждому подсудимому. Он просто сослался на описание условий содержания под стражей в зале № 338 здания суда, рассмотренное Судом в постановлении по делу «Ярослав Белоусов против России» (там же, пункты 74-75 и 126). Даже если предположить, что условия содержания под стражей в зале № 334 были схожи с условиями в зале № 338 здания суда, Суд отмечает, что в стеклянной кабине площадью около 5,4 квадратных метра содержалось лишь четверо подсудимых и, следовательно, им было предоставлено не менее 1,3 квадратных метра личного пространства. Кроме того, заявитель содержался в этих условиях лишь несколько часов 27 ноября 2014 года, в отличие от Белоусова, который содержался в переполненных условиях в течение нескольких часов три дня в неделю в течение периода продолжительностью около двух месяцев, и он выставлялся на обзор публики, находясь в этих переполненных условиях.

46. Что касается утверждения о том, что помещение в стеклянные кабины препятствовало общению второго заявителя с адвокатом, то это может рассматриваться как фактор, усугублявший его беспокойство и страдания, но одного лишь этого обстоятельства недостаточно для того, чтобы преодолеть порог для признания нарушения статьи 3 Конвенции (там же, пункт 127). Таким образом, Суд приходит к выводу о том, что условия в зале заседаний № 334 Московского городского суда не достигли минимального уровня жестокости, чтобы попадать под запрет, установленный статьей 3 Конвенции. Следовательно, в настоящем деле не было нарушения статьи 3 в связи с содержанием заявителя в стеклянной кабине в этом зале заседаний.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

47. Заявители также утверждали о нарушении их права на свободу выражения мнения и права на мирное собрание. В частности, они жаловались на то, что на месте проведения митинга на Болотной площади были приняты меры безопасности, приводящие к таким нарушениям. Они также утверждали, что их последующее

преследование и осуждение в уголовном порядке за участие массовых беспорядках являлись произвольными и несоразмерными. Заявители ссылались на статьи 10 и 11 Конвенции, которые гласят:

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует Государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и обязательства, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Статья 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

А. Доводы сторон

48. Власти утверждали, что первый заявитель подал жалобу на общие действия полиции по обеспечению общественного порядка во время демонстрации на Болотной площади и его осуждение за административное правонарушение с задержкой. Следовательно, они просили Суд признать эту часть его жалобы неприемлемой по причине несоблюдения шестимесячного срока.

49. Замечания Властей по существу дела были идентичны представленным в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 160-63).

50. Первый заявитель не прокомментировал вопрос о соблюдении шестимесячного срока.

51. Заявители утверждали, что они являются мирными, законопослушными людьми и не планировали принимать участие в массовых беспорядках. Они прибыли на Болотную площадь 6 мая 2012

года для участия в мирном митинге, санкционированном московскими властями. Они указали, что неожиданное изменение властями места проведения митинга привело к столкновениям между протестующими и полицией. Полиция применила чрезмерную силу для разгона демонстрантов, некоторые из которых были задержаны.

52. Второй заявитель также утверждал, что его осуждение было основано на показаниях сотрудников полиции И. и Б., а его аргументы о применении к нему чрезмерной силы были проигнорированы. Более того, внутригосударственные суды не рассмотрели вопрос о том, каким образом действовала полиция в ходе вмешательства в законный митинг и разгона толпы. Суды также не оценили, насколько ответственно действовала полиция в ходе столкновений с участниками публичного мероприятия. По мнению заявителя, национальные суды не привели «значительные и достаточные основания» для его осуждения.

Б. Приемлемость жалобы

53. Суд отмечает, что первый заявитель был осужден за участие в массовых беспорядках, которые способствовали срыву собрания. Следовательно, определение ответственности за указанные действия являлось основным вопросом при рассмотрении предъявленных заявителю уголовных обвинений. В таких обстоятельствах его жалоба на роль органов власти в возникновении беспорядков, неотделима от его жалобы на отсутствие обоснования при привлечении его к уголовной ответственности. По этой причине от Суда не требуется отдельная оценка с точки зрения статьи 11 Конвенции предполагаемого неисполнения органами власти своего позитивного обязательства в отношении проведения собрания на Болотной площади. Более того, поскольку первый заявитель обжаловал свой приговор по уголовному делу, Суд считает, что он исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своих жалоб на нарушение этого положения и выполнил требование о шестимесячном сроке.

54. Суд отмечает, что жалоба заявителей на преследование и осуждение в уголовном порядке, поданные в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции, не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

1. Объем жалоб заявителей

55. Суд отмечает, что в указанных обстоятельствах дела статью 10 следует рассматривать как *lex generalis* по отношению к статье 11, которая является *lex specialis* (см. постановление Суда от 26 апреля 1991

года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), пункт 35, Серия А № 202, и постановление Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункты 82-83). Суд рассмотрит настоящую жалобу с точки зрения статьи 11 Конвенции.

56. С другой стороны, несмотря на ее независимую роль и особую сферу применения, статья 11 Конвенции в настоящем деле должна также рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита личного мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одной из целей права на свободу мирных собраний, закрепленного в статье 11 Конвенции (см. упоминаемое выше постановление по делу «Эзелин против Франции», пункт 37).

2. Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний

57. Суд ранее установил, что собрание на Болотной площади 6 мая 2012 года подпадало под действие статьи 11 Конвенции (см. упоминаемые выше постановления по делам «Фрумкин против России», пункты 99 и 137, и «Ярослав Белоусов против России», пункты 168-71). Что касается непосредственно заявителей, то из описания вмененных им преступлений не следует, что они находились в числе лиц, ответственных за первоначальные акты агрессии, которые нарушили изначально мирный характер собрания. Следовательно, на них распространялась защита, предусмотренная статьей 11 Конвенции. Суд также приходит к выводу о том, что преследование и осуждение заявителей в уголовном порядке за действия, совершенные ими в ходе разгона демонстрации, представляли собой вмешательство в осуществление ими свободы собраний.

3. Было ли вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно законную цель и являлось ли «необходимым в демократическом обществе»

58. Заявители не представили никаких аргументов, касающихся предполагаемой незаконности вмешательства. Правительство привели по сути те же доводы по этому вопросу, что и в деле «Ярослав Белоусов против России» (упоминаемое выше, пункт 173). Суд не видит причин для иного вывода по настоящему делу (там же, пункты 174-75). Суд приходит к выводу о том, что содержание заявителей под стражей и их уголовное преследование являлись законными, и преследовали законные цели предотвращения беспорядков и преступлений и защиты прав и свобод других лиц.

59. Что касается вопроса о том, являлось ли осуждение заявителей в уголовном порядке «необходимым в демократическом обществе», то Суд отмечает, что заявители были признаны виновным в совершении

двух преступлений, а именно, в участии в массовых беспорядках (статья 212 Уголовного кодекса) и в применении насилия в отношении представителя власти (статья 318 Уголовного кодекса). Первый заявитель был приговорен к двум годам и шести месяцам лишения свободы на основании этих положений за то, что он схватил полицейского за форму и толкнул его на землю. Второй заявитель был приговорен к трем годам и шести месяцам тюремного заключения за то, что он оттащил одного сотрудника полиции за руку и схватил другого сотрудника полиции за ногу и повалил его на землю. Действия заявителей не представляли угрозы для жизни или здоровья этих сотрудников полиции и были совершены во время их участия в санкционированном публичном собрании.

60. Суд повторяет, что в случае, когда лица принимают участие в насильственных действиях, государственные органы власти пользуются более широкими пределами свободы усмотрения при рассмотрении вопроса о необходимости вмешательства в свободу собраний, и наложение санкций за такие предосудительные действия считается совместимым с гарантиями, приведенными в статье 11 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 19 января 2016 г. по делу «Гюльджю против Турции» (*Gülcü v. Turkey*), жалоба № 17526/10, пункт 116, и упомянутые в нем дела). Тем не менее, следует отметить, что приговор по части 1 статьи 318 Уголовного кодекса за применение насилия в отношении представителя власти, несмотря на его суровость, являлся более мягким, чем наказание в виде лишения свободы за участие в массовых беспорядках, назначенное по совокупности преступлений (см. пункты 20 и 32 выше), которое было вдвое более суровым для каждого из заявителей.

61. Основным обоснованием, указанным Властями для столь сурового приговора, являлся существовавший на тот момент серьезный риск гражданских беспорядков, в частности, угроза политической стабильности и общественному порядку. Таким образом, тяжесть наказания была обусловлена общим контекстом нападения заявителей на полицейских, а не причиненным ими вредом. Что касается других вменяемых заявителям действий, то, судя по всему, их нахождение на месте проведения митинга привело к тому, что к сроку тюремного заключения первого заявителя было прибавлено полтора года, а к сроку заключения второго заявителя — два года. Суд отмечает, что национальные суды не уточнили, какие действия заявителей были определены как относящиеся к участию в массовых беспорядках по статье 212 Уголовного кодекса, а какие к нападению на представителя власти по статье 318 Уголовного кодекса. При описании их участия в массовых беспорядках суды лишь ссылались на применение ими насилия в отношении полицейских, также квалифицированное как отдельное уголовное преступление (в качестве противоположного

примера см. упоминаемое выше постановление по делу «Ярослав Белоусов против России», пункт 178, в котором тот факт, что заявитель выкрикивал антиправительственные лозунги, расценивался как участие в массовых беспорядках).

62. При оценке суровости наказания в соответствии со статьей 212 Уголовного кодекса, Суд считает важным то, что материалы уголовного дела не указывали на предварительное намерение заявителей принять участие в насильственных действиях или массовых беспорядках. Как и в деле «Ярослав Белоусов против России» (упоминаемое выше, пункт 179), в материалах дела нет ничего, что указывало бы на то, что заявители были среди тех, кто был ответственен за первоначальные акты агрессии, которые подорвали первоначально мирный характер собрания и спровоцировали столкновения между протестующими и полицией. Из обвинительного заключения следует, что заявители применили насилие в отношении полицейских в разгар столкновений, когда полиция уже задерживала протестующих, и такое поведение, по их словам, являлось ответом на беспорядочное и необязательное применение силы полицией. Национальные суды не установили конкретные обстоятельства, в которых имело место это поведение, и отклонили утверждения заявителей о чрезмерном применении силы полицией, как необоснованные, но при этом не опровергли их. Суд приходит к выводу о том, что заявители не были в числе лиц, ответственных за прерывание собрания или спровоцировавших применение силы полицией. Поэтому поведение заявителей, хотя и содержало элементы насилия, носило случайный характер и представляло собой спонтанную реакцию на силу, применяемую полицией против протестующих, большинство из которых вели себя мирно. Следовательно, оно не достигло той степени агрессии, которую в других делах Суд признал равносильной насилию, требующему наказания в виде длительных тюремных сроков (в качестве противоположного примера см. постановление Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункты 156-63, и решение Суда от 11 октября 2001 года по делу «Османи и другие против бывшей югославской Республики Македония» (*Osmani and Others v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 50841/99).

63. Принимая во внимание незначительную роль заявителей в собрании и тот факт, что они приняли участие в столкновениях случайно, Суд не считает, что указанные Властями риски, а именно, потенциальные гражданские беспорядки, политическая нестабильность и угроза общественному порядку, имели отношение к ним лично. Суд не одобряет насильственные действия заявителей и повторяет, что государственные органы власти пользуются более широкими пределами свободы усмотрения при назначении санкций за такие действия (см. упоминаемое выше постановление по делу «Гюльджю против Турции»,

пункт 116, и постановление Суда от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункты 81-97), и считает, что указанные Властями причины не могут оправдывать лишение свободы на два и три года за участие в массовых беспорядках согласно статье 212 Уголовного кодекса. Суд не видит «наущной социальной потребности» во вынесении заявителям столь суровых приговоров в дополнение к наказанию за нападение на полицейских.

64. Более того, следует подчеркнуть, что признание заявителей виновными, и в особенности суровость их приговоров, должны были обить у него и других лиц, поддерживающих оппозицию, и у общества в целом, желание посещать демонстрации, и, в более общем смысле, участвовать в открытых политических дебатах. Сдерживающее воздействие наложенных на него санкций было также усилено широкомасштабными судебными разбирательствами по делу, которые широко освещались в СМИ.

65. Принимая во внимание суровость наложенных на заявителей санкций, Суд приходит к выводу о том, что их осуждение в уголовном порядке являлось мерой, несоразмерной законным целям по предотвращению беспорядков и преступлений и защите прав и свобод других лиц, и следовательно, не являлось необходимым в демократическом обществе.

66. Соответственно, в отношении каждого заявителя имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 6 и 18 КОНВЕНЦИИ

67. Второй заявитель утверждал, что разбирательство по его уголовному делу было несправедливым в нарушение статьи 6 Конвенции. Он указал, что суд отклонил аргументы и доказательства чрезмерного применения силы полицией и признал его виновным исключительно на основании показаний полицейских. Также суды квалифицировали одни и те же действия в качестве двух отдельных уголовных преступлений.

68. Оба заявителя также жаловались на нарушение статьи 18 Конвенции в связи с тем, что меры безопасности на демонстрации и их последующее преследование за совершение уголовных преступлений являлись репрессиями за их критику в адрес властей. Более того, оно преследовало цель, которая заключалась в предотвращении проведения общественных мероприятий активистами оппозиции. Статьи 6 и 18 Конвенции в соответствующих частях гласят следующее:

Статья 6

«При предъявлении... ему какого-либо уголовного обвинения, каждый имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

Статья 18

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

69. В своих замечаниях по этому вопросу стороны повторили свои аргументы относительно предполагаемого посягательства на их права на свободу выражения мнения и свободу собраний.

70. Суд отмечает, что указанные жалобы связаны с жалобами на нарушение статьи 11 Конвенции, которые были рассмотрены выше, и поэтому также должны быть признаны приемлемыми.

71. Суд уже постановил, что осуждение заявителей в уголовном порядке не было необходимым в демократическом обществе. Национальные суды не установили конкретные обстоятельства, приведшие к столкновениям между протестующими и полицией, и не проверили доводы заявителей о чрезмерном применении силы полицией. Они также не указали действия заявителей по участию в массовых беспорядках, за исключением действий, связанных с нападением на сотрудников полиции (см. пункты 60-62 выше). Он также постановил, что это оказало на заявителей и на других лиц сдерживающее воздействие, отбив у них желание принимать участие в митингах протеста и в оппозиционной политике (см. пункты 63-64 выше). Суд уже установил нарушение статьи 11 Конвенции в данном отношении.

72. Принимая во внимание эти выводы, Суд не видит необходимости в рассмотрении вопроса о том, было ли допущено нарушение статьи 6 Конвенции или статьи 18 в совокупности со статьей 11 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 4 ПРОТОКОЛА № 7 К КОНВЕНЦИИ

73. Первый заявитель (Гущин) также жаловался на то, что он был дважды судим и наказан за одно и то же преступление: в первый раз, в рамках административного судопроизводства по делу о неподчинении законному распоряжению полиции, и во второй раз, в рамках уголовного судопроизводства по обвинению в участии в массовых беспорядках. Он утверждал о нарушении принципа *non bis in idem*, предусмотренного в статье 4 Протокола № 7 к Конвенции, которая гласит:

«1. Никто не должен быть повторно судимым или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно — процессуальными нормами этого государства.

2. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно — процессуальными нормами соответствующего государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход

дела.

3. Отступления от выполнения настоящей статьи на основании положений статьи 15 Конвенции не допускаются.

А. Доводы сторон

74. Власти утверждали, что обвинения в совершении административных правонарушений и уголовных преступлений, предъявленные первому заявителю, касались отдельных событий, связанных с различными действиями, совершенными в ходе одного и того же публичного мероприятия. В частности, часть 3 статьи 19 Кодекса об административных правонарушениях, касающаяся неподчинения законному распоряжению сотрудника полиции, не включает применение насилия в отношении представителя власти или участие в массовых беспорядках. Они повторили причины, по которым национальный суд отклонил довод первого заявителя о том, что ему не может быть предъявлено обвинение по части 2 статьи 212 Уголовного кодекса, поскольку он уже был осужден по части 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях, указав, что это рассматриваемые административное правонарушение и уголовные преступления имели разные объекты и были совершены в разное время, хотя и в последовательном порядке.

75. Первый заявитель утверждал, что его осуждение за административное правонарушение было основано на его попытке прорваться через полицейский кордон, игнорировании законных распоряжений полиции и его активном сопротивлении полиции. Он утверждал, что те же факты лежали в основе уголовного обвинения в участии в массовых беспорядках по статье 212 Уголовного кодекса. Таким образом, он утверждал, что два вида обвинений касались по сути одних и тех же фактов.

Б. Приемлемость жалобы

76. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

77. Применимые принципы изложены в постановлении Большой Палаты по делу «Сергей Золотухин против России» (*Sergey Zolotukhin v. Russia*), жалоба № 14939/03, пункт 78-84, ECHR 2009, и в постановлении Большой Палаты от 15 ноября 2016 года по делу «А и Б против Норвегии» (*A and B v. Norway*), жалобы №№ 24130/11 и 29758/11, пункты 117-34.

78. С точки зрения статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции Суд должен определить, было ли правонарушение в виде неподчинения законному распоряжению полиции уголовным по своему характеру, было ли уголовное преступление, связанное с участием в массовых беспорядках, за которое первый заявитель был привлечен к ответственности, тем же актом, что и неподчинение законному распоряжению полиции (*idem*), было ли вынесено окончательное решение и имело ли место дублирование разбирательств (*bis*).

1. Имело ли место правонарушение в виде неподчинения законному распоряжению полиции уголовным по своему характеру

79. В аналогичных делах, связанных с правонарушением, предусмотренным пунктом 3 статьи 19 Кодекса об административных правонарушениях, Суд установил на основании «критериев Энгеля» (см. постановление Суда от 8 июня 1976 года по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. the Netherlands*), пункт 82, Серия А № 22), что рассматриваемое разбирательство носило «уголовный» характер не только для целей статьи 6 Конвенции (см. постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*), жалоба № 29580/12 и 4 другие жалобы, пункт 79), но и для целей статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции (см. постановление Суда от 12 декабря 2013 года по делу «Хмель против России» (*Khmel v. Russia*), жалоба № 20383/04, пункт 58-63).

80. Отметив, что стороны не оспаривают этот факт, Суд приходит к выводу о том, что в настоящем деле оба разбирательства касались «уголовного» преступления в автономном значении статьи 4 Протокола № 7.

2. Имело ли место уголовное преступление, связанное с участием в массовых беспорядках, за которое первый заявитель был привлечен к ответственности, тем же актом, что и неподчинение законному распоряжению полиции

81. Понятие «одно и то же преступление» (элемент *idem* принципа *ne bis in idem* в статье 4 Протокола № 7) следует понимать как запрещающее судебное преследование или осуждение за второе «преступление» в той мере, в которой оно возникает из идентичных фактов или фактов, которые по существу одинаковы (см. упоминаемое выше постановление по делу «Золотухин против России», пункты 78-84).

82. В настоящем деле в рамках уголовного процесса первый заявитель был обвинен и осужден за участие в массовых беспорядках (часть 2 статьи 212 Уголовного кодекса) и применение насилия в отношении представителя власти (часть 1 статьи 318 Уголовного кодекса). Власти утверждали, что факты, лежащие в основе

обвинительного заключения и обвинительного приговора, не совпадали с фактами, рассмотренными в ходе административного судопроизводства.

83. Суд отмечает, что в постановлении от 18 августа 2014 года упоминается о массовых беспорядках на Болотной площади, которые включали столкновения между протестующими и полицией, игнорирование участниками приказов полиции прекратить хулиганское поведение и бросание предметов в сотрудников полиции. В своем постановлении Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что заявитель участвовал в массовых беспорядках, но не указал какие именно действия совершил сам заявитель. Напротив, действия, которые вменялись ему в связи с нападением на сотрудника полиции, были подробно описаны в ходе расследования отдельного преступления в соответствии с частью 1 статьи 318 Уголовного кодекса.

84. В ходе судебного разбирательства по уголовному делу заявитель утверждал, что он уже был осужден по части 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях за нарушение полицейского кордона и бросание камней и стеклянных бутылок, а также за отказ прекратить свои действия. Тем не менее, суд первой инстанции постановил, что наказание за административное правонарушение имело другую цель и объем, но он не указал на элементы и фактические основания, которые отличали обвинительный приговор по части 2 статьи 212 Уголовного кодекса от предыдущего наказания за административное правонарушение. Власти не привели никаких аргументов, которые позволили бы Суду установить это различие. Более того, описание массовых беспорядков на Болотной площади, приводящееся в постановлении по уголовному делу, соответствовало поведению, за которое заявитель был осужден в ходе административного судопроизводства.

85. Суд приходит к выводу о том, что осуждение заявителя за неподчинение законным распоряжениям полиции и его осуждение за участие в массовых беспорядках были основаны на одних и тех же фактических обстоятельствах. Следовательно, в этом случае присутствует часть *idem* принципа *ne bis in idem*.

3. Было ли вынесено окончательное решение

86. Стороны не оспаривают тот факт, что решение по административному делу стало «окончательным» до того, как в отношении первого заявителя было возбуждено уголовное дело. Этот факт был признан судами, рассматривавшими уголовное дело, и отражен в постановлении от 18 августа 2014 года.

4. Произошло ли дублирование судопроизводства (*bis*)

87. В постановлении Большой Палаты по делу «А и Б против Норвегии» (упоминаемое выше) Суд постановил (пункт 130):

«На основании приводящегося выше обзора прецедентной практики Европейского Суда становится очевидным, что в отношении вопросов, за которые наказание предусмотрено как уголовным, так и административным правом, наиболее надежным способом обеспечения соблюдения статьи 4 Протокола № 7 является обеспечение на определенной стадии единой процедуры, позволяющей объединить параллельные ветви правового регулирования соответствующей деятельности, с тем чтобы различные потребности общества в реагировании на преступление могли быть удовлетворены в рамках единого процесса. Тем не менее, как объясняется выше (см., в частности, пункты 111 и 117-120), статья 4 Протокола № 7 не исключает проведения двойного разбирательства при соблюдении определенных условий. В частности, для того чтобы Суд убедился в отсутствии дублирования судебного разбирательства или наказания (*bis*), как это предписано статьей 4 Протокола № 7, государство-ответчик должно убедительно продемонстрировать, что оба судопроизводства «достаточно тесно связаны между собой по существу и по времени». Другими словами, необходимо доказать, что они объединены в одно целое. Это подразумевает не только то, что преследуемые цели и используемые средства для их достижения должны по сути дополнять друг друга и быть связанными во времени, но и что возможные последствия организации правовой оценки рассматриваемого поведения таким образом должны быть предсказуемыми и пропорциональными для затрагиваемых лиц».

88. В вышеупомянутом деле Европейский Суд установил факторы, которые следует учитывать при оценке связи между двойным уголовным и административным судопроизводством по существу и во времени (пункты 132-134 постановления).

89. В настоящем деле не утверждалось, что целью этих двух видов судопроизводства было обеспечение комплексного правового реагирования на действия заявителя, хотя в постановлении от 18 августа 2014 года упоминались «разные объекты» административного правонарушения и уголовного преступления. Учитывая, что ни национальные суды, ни Власти не объяснили это различие, одной лишь этой ссылки недостаточно, чтобы продемонстрировать, что различные разбирательства преследовали взаимодополняющие цели и, следовательно, рассматривали различные аспекты неправомерного социального поведения не только *in abstracto*, но и *in concreto*, (там же, пункт 132). Два разбирательства, включая сбор и оценку доказательств, были независимы друг от друга. В целом, условия для двойного уголовного и административного судопроизводства были признаны достаточно связанными по существу и по времени.

5. Заключение

90. Принимая во внимание описанные выше обстоятельства, Суд считает, что первый заявитель был судим и наказан за одни и те же или по сути одни и те же действия различными органами власти в рамках двух разных судебных разбирательств, между которыми отсутствовала необходимая связь. По этим причинам в настоящем деле в отношении первого заявителя было допущено нарушение статьи 4 Протокола № 7 к

Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

91. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

92. Каждый из заявителей требовал 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

93. Власти оставили данный вопрос на усмотрение Суда.

94. Принимая во внимание характер и объем нарушений прав заявителей, Суд присуждает каждому из заявителей по 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Суд также повторяет, что в дополнение к выплате присужденной Судом справедливой компенсации, для исполнения настоящего постановления Власти государства-ответчика должны принять меры по устранению негативных последствий, вытекающих из несоразмерно суровых приговоров по уголовным делам заявителей, отмечая, что они уже были освобождены после отбытия срока наказания (см. постановление Суда от 30 января 2018 года по делу «Барабанов против России» (*Barabanov v. Russia*), жалобы №№ 4966/13 и 5550/15, пункты 87-88; и постановление Суда от 30 января 2018 года по делу «Степан Зимин против России» (*Stepan Zimin v. Russia*), жалобы №№ 63686/13 и 60894/14, пункты 90-91).

Б. Расходы и издержки

95. Второй заявитель требовал 20 000 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им в ходе разбирательств в национальных судах, и 7 920 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им в ходе разбирательств в Европейском Суде.

96. Власти оставили данный вопрос на усмотрение Суда.

97. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить второму заявителю 5 000 евро в качестве возмещения расходов и издержек понесенных им в ходе разбирательств в национальных судах, и 3 000 евро за его юридическое представительство в ходе разбирательства в Европейском Суде, плюс

любые налоги, которыми могут облагаться эти суммы. Суммы, присужденные в счет возмещения расходов и издержек, подлежат выплате на указанные вторым заявителем банковские счета представителей.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

98. Суд считает приемлемым, что проценты за просрочку платежа должны быть установлены в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Решил* объединить жалобы в одно производство;
2. *объявил* жалобы на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с помещением в стеклянную кабину в зале № 334 Московского городского суда, и на нарушение статей 6, 10, 11, 18 Конвенции и статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции приемлемыми, а остальную часть жалобы № 28251/15 — неприемлемой;
3. *постановил*, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в связи с помещением второго заявителя в стеклянную кабину в зале № 334 Московского городского суда;
4. *постановил*, что в настоящем деле в отношении каждого из заявителей было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
5. *постановил*, что необходимость в рассмотрении поданных вторым заявителем жалоб на нарушение статей 6 и 18 Конвенции отсутствует;
6. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции;
7. *Постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить заявителям указанные ниже суммы с последующим переводом в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) по 10 000 евро (десять тысяч евро) каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;
 - (ii) 5000 евро (пять тысяч евро) второму заявителю, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма,

в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им в ходе разбирательств в национальных судах и 3 000 евро (три тысячи евро) второму заявителю, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им в ходе разбирательств в Европейском Суде. Суммы, присужденные в счет возмещения расходов и издержек, подлежат выплате непосредственно на указанные им банковские счета его представителей;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки платежа, плюс три процентных пункта;

8. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 25 февраля 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Георгиос А. Сергидес,
Председатель